

В.А. Маслова

КУЛЬТУРА И ЭСТЕТИКА ФРАНЦУЗСКОГО СИМВОЛИЗМА: ОБЗОР ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Предметом исследования является проблема изучения концептуализации искусства в эстетике французского символизма, выявление её объективно-существующих противоречий. Раскрывается эта тема в систематизации и исследовании степени разработанности проблемы в трудах отечественных и зарубежных учёных и практиков в разных сферах научного знания, которые, с одной стороны, взаимодополняют друг друга, а с другой – выявляют особенные специфические её аспекты. Осуществляется анализ разных подходов к исследованию искусства символизма, а также выявление неразработанных участков данного вопроса на сегодняшний момент времени. Основной метод анализа в исследовании – ретроспективный. Он используется для того, чтобы увидеть и понять логику развития французского символизма, причину его обширного влияния и изучения в разных сферах науки. В работе выявлена многогранность и сложность анализа проблемы в составлении единой концепции искусства французского символизма. Благодаря этому происходит обоснование в необходимости исследования, синтезируя разные научные подходы. Выявив, определив, систематизировав и проанализировав основные труды отечественных и зарубежных учёных, лежащие в сфере научного знания, определяемых темой исследования, проводится и представляется процедура разработки методологической базы исследования в контексте как методологических, методических, так и прогностических оснований. Новизна исследования заключается в том, что в ней представлена причинно-следственная связь актуализации некоторых характерных черт и тем французского символизма в перспективе конца XIX и XX вв., а также – комплексность изложения категориального аппарата эстетики французского символизма.

Ключевые слова: французский символизм, анализ, искусство, концепция, подход, проблема, ретроспекция, символизм, эстетика, символ.

Review. The subject of the research is the problem of art's conceptuality in the aesthetics of French symbolism and description of actual contradictions. This topic is discussed by using the methods of classification and analysis of the degree of scientific development of the problem in Russian and foreign scientific and practical researches which, on the one hand, complete one another and, on the other hand, allow to define specific features of each aspect. The author of the article analyzes different approaches to studying the art of symbolism as well as describes undeveloped aspects of the topic. The main research method used by the author is the retrospective analysis. The method is used in order to see and understand the logic of the development of French symbolism as well as why it had such a strong impact and was so intensively studied by different branches of science. In her research Maslova underlines the complexity of analyzing the problem and developing the single concept of art in French symbolism. This proves the importance of the present research and allows to combine different scientific approaches to the problem. Having described, classified and analyzed the main Russian and foreign scientific researches on the research topic, Maslova offers her own procedure for developing the methodological basis of the research concerning methodological, methodic and prognostic grounds. The novelty of the research is caused by the fact that the researcher describes the cause-and-effect relationship between actualization of some specific features and themes of French symbolism at the end of the XIXth and XXth centuries and emphasizes the complexity of the categorical framework in the aesthetics of French symbolism.

Key words: retrospection, problem, approach, conception, art, analysis, French symbolism, symbolism, aesthetics, symbol.

*«Есть три главных элемента нового искусства:
мистическое содержание,
символы и расширение
художественной впечатлительности...»*

Д.С. Мережковский (1893)

*«...Бывают символические сновидения –
и реальная жизнь, которую они символизируют.
Или же наоборот: бывает символическая
жизнь и сновидения,
в которых она реализуется...»*

Харуки Мураками «Охота на овец» (1982)

*«...Мы живем в мире, который давно уже
нереальный,
сказала мама. – Мы живем в мире символов...».*

Чак Паланик «Удушье» (2001)

Искусство символично по своей природе. В истории эстетики этот вопрос имплицитно, а потом эксплицитно поднимался в разное время. В связи с этим возникает особая сложность в изучении французского символизма, как художественного течения в живописи, музыке, театре и не только. Этот стиль – одно из уникальных и необычных, даже загадочных явлений в истории культуры вообще и французской культуры в частности. Он вобрал в себя многие чаяния прошлых веков и дал многие проекции в будущем развитии искусства и общества. Суть своеобразия быстротечного течения была осмыслена и понята исследователями и теоретиками искусства, самими художниками и поэтами не сразу.

Главной проблемой в исследовании является то, что работы представителей разных видов искусств французского символизма не представляют собой эстетическую целостность, отвечающую формальным требованиям. Между тем существует концепция символизма в искусстве, у которой противопоставление любому проявлению реализма является только первым шагом. Из примата субъективного взгляда на вещи, на котором основывается концепция, вытекают определённые константы, которые можно рассматривать, используя разные научные подходы. Мы попытаемся их проанализировать.

Таким образом, процесс осмысления французского символизма в качестве самостоятельного исторического явления был достаточно длинным и, скорее всего, будет и в дальнейшем продолжать вызывать долгие споры. Тема исследования до сих пор актуальна, и многие противоречия до сих пор не разрешены. Мы постараемся выявить данные противоречия и рассмотреть их с разных сторон.

Для этого необходимо провести отбор, систематизацию степени разработанности этой проблемы в трудах отечественных и зарубежных учёных и практиков в разных сферах научного знания, которые, с одной стороны, взаимодополняют друг друга, а с другой – выявляют особенные специфические её аспекты. К таким научным сферам относятся: философия, культура, философия культуры; искусство, символизм, символ (знак), социология, социология культуры, социология искусства, лингвистика, социолингвистика, произведения творческих личностей (художников, музыкантов, драматургов, поэтов, прозаиков, сценаристов, либреттистов), языкознание, психология, психология искусства и творчества, психология ментальности и многие другие.

После этого, на основе аналитических выводов и заключений, разработанных аспектов темы исследования, осуществляется выявление неразработанных аспектов данной проблемы на сегодняшний момент времени. Это необходимо для того, чтобы определить тот симбиотический фокус, в который и будут собираться всевозможные направления изыскания для разработки обособленной темы исследования.

Одновременно необходимо изучить критические работы самих символистов и произведения ранних теоретиков символистов, практику французских символистов, рассматриваемую в поэзии, живописи, драматургии, а также проанализировать работы исследователей французского символизма, как в зарубежной, так и в отечественной литературе.

Одним из решений проблем концептуализации искусства в рассматриваемом художественном течении должна стать сущность, структура и содержание категориального аппарата эстетики французского символизма. На этом фоне происходит выявление и обоснование особенностей и специфики эстетики французского символизма, раскрытие и характеристика системы соотношений основных категорий в концепциях эстетики французского символизма, а также – представление художественных инноваций символизма как концепции синтеза искусств. Кроме этого, также ключевым ядром является представление интерпретации искусства как квинтэссенции художественности в контексте специфики французского символизма.

Приступая к анализу информационно-аналитического материала, прежде всего, отметим факт того, что современная эстетика, трактуемая им в контексте философского явления и научной теории (учения) о сущностных основаниях и, осо-

бенно, структурных формах такого понятия как «прекрасное», рассматривается как в природе и в жизни, так и в художественном творчестве (в искусстве), понимаемом в виде специфической (особой) формы общественного сознания [1].

Однако для нашего исследования эстетика выступает не в виде самостоятельной категории, а в роли смыслового системообразующего начала, которое рассматривается в совокупных аспектах характеристических особенностей эстетики французского символизма [2; 3, с. 3-84].

И, прежде всего, для нас важен аспект изучения эстетики французского символизма в контексте философии, культуры и искусства, то есть в образном осмыслении реального мира, процесса или итога выражения внутреннего или внешнего мира в художественном образе в аспектах творчества, отражающее нечто важное не только для самого автора, но и для множества других людей [4, с. 292-295].

И весь этот спектр разнообразных векторов сходится в одной точке, в ракурсе которой и проводится это исследование, то есть в обосновании рассмотрения теоретико-методологических оснований различных теоретических построений (концепций) искусства в эстетике французского символизма посредством осуществления операций ретроспективного и сравнительного анализа.

Рассматривая основные характеристические особенности символизма в целом, обратимся к пониманию того, что само по себе, в сущностной специфике «символистское искусство» представляет собой одну из изначальных форм генезиса и эволюции художественного сознания, отражающее направленность человеческого самосознания к недостижимому и непостижимому идеалу. В системе символического искусства сама по себе главная идея представляется в расплывчатой и крайне неопределённой конфигурации, что приводит к стремлению её вылиться в некоторую символическую форму, по сути дела, в ту философско-эстетическую категорию, которая и лежит в основе дефиниции.

Удивительным образом сам символизм ускользает от точных определений и оценок. Несомненно, обладая определённой структурой, уловимый в деталях, в характеристике отдельных приемов, символизм не поддаётся определению в целом, хотя сами его представители предложили их немало, иногда даже противореча друг другу.

Особую характеристику символизм приобретает при понимании его в смысле внетемпоральной (вневременной) категории. Необходимо отметить тот факт, что в эстетике термин «символизм»

употребляется по отношению к различным эстетико-художественным направлениям конца XIX – начала XX вв. и предстаёт в виде связанного ряда следующих определений, а именно: «декадентство», «импрессионизм», «модернизм», «неоромантизм», особенно в творчестве и критике как французских и бельгийских, так и русских поэтов, художников, музыкантов и т.д.

В каком-то смысле сами символисты осознано пытались наделять своё творчество вневременными понятиями. Символисты считали, что после того, как разрушилась связь между человеком и вселенной, возврат к исходной гармонии возможен лишь в области поэзии, которая по сути своей является символической и религиозной.

Символисты считали, что без символа нет жизни, и отчасти поэтому, символисты хотели вернуться к первоистокам, внося мысль о том, что действительно существует в этом мире. Есть только внутренний мир, внешнего не существует, и только через символы мы можем внести в наш реальный, внешний мир то, что есть во внутреннем. Символ – начало и основа всего, и символисты попытались к этому вернуться.

Таким образом, задача поэта – преодолеть индивидуальное и выйти на уровень универсального, найти первоначальное единство. Их обращение к сказочным декорам, к древним легендам, к фольклорным традициям, имеет целью достичь больших глубин и проявить скрытую реальность. Они взывают не к индивидуальному бессознательному, а к бессознательному коллективному, к памяти народов, выраженных в легендах. Здесь, по мнению символистов, и находится подлинный смысл этой ностальгии по прошедшим временам, по роскошным воспоминаниям. Реабилитируя миф, а следовательно, сверхчувственное, символисты продолжают линию в истории искусства, которую начали ещё романтики. Поколение символистов ощущало, что оно существует как будто вне времени. Отрицая старый быт, они отрицали и старую культуру. В эстетике символизма ощущается постоянное болезненное переживание и разрыва преемственности поколений, и необходимости в таком разрыве, что на предыдущих этапах истории не имело такого значения.

Возникновение понятия современная французская литература, которая во Франции начинается именно с Бодлера и Малларме, безусловно, связано не только с особым восприятием времени, но и с радикальным изменением формы литературных произведений, а что самое главное, со стремлением к новаторству языка поэзии. Важным является для понятия «современности» не то,

какие частные средства выражения получил поэтический язык символизма, а то, что символисты дали мощный толчок начала поиска новых целей и путей развития искусства в XX в., они изменили само отношение к искусству.

Отчасти в качестве подтверждения этого тезиса можно привести слова М.К. Мамардашвили: «Искусство XX века и дальше пошло новыми путями – путями более строго личностного поиска, более скромного отношения к слову, понимания того, что текст создаётся потому, что тебе лично и жизненно нужно встать с его помощью в точку испытания, свидетельства бытия, поскольку истину нельзя ниоткуда получить, её можно лишь создать, как говорил Пруст, целиком, в каждой части, и писатель сам должен стать через создаваемый текст, который не есть, конечно, естественное явление, т.е. психологическое побуждение, намерение, прекрасномыслие, внутренний признак воображения и т.п. Разговор есть естественное явление, в котором ничего не происходит, а текст не есть естественное явление» [5].

Выход за пределы произведения искусства в его традиционном понимании происходит не только в поэзии, но и в живописи. Это сопровождается определённым количеством новых решений касательно структуры, где мы вновь сталкиваемся с ключевым понятием субъективности, но на этот раз под знаком синестезии. В символизме теория соответствий Ш. Бодлера является отправным пунктом поиска единства в живописи, способное максимально соответствовать единству чувств, проявляемое в человеке. Понятия соответствия единства чувств появляются в концепции Ш. Бодлера (а он опирался на Э. Сведенборга и Э. Гофмана) как некое воспоминание о потерянной гармонии, глубоко спрятанной в нашей душе. В этом смысле символизм неразрывно связан с понятием современности. Если современное состояние предполагает разрушение старого порядка, то именно по этой причине оно является необходимым условием для особого восприятия этой золотой безвозвратно исчезнувшей эпохи, и для меланхолического воплощения в поэтической форме. Такое мировосприятие, свойственное символизму устанавливает связь между чувственным опытом и пессимистической концепцией истории. Кодирование формы и цвета, использование неких геометрических законов, ведущих к абстрактной гармонии, свидетельствуют об исключении в произведениях искусства элемента случайности. Эта эстетика ровного и неявного цвета, в которой линия вновь обретает свои права, основывается на поиске некоего синтеза искусств, с помощью которого можно

попытаться придать живописи черты абстракции, свойственные музыке.

Для французских символистов целью поэзии является, уловить связи – соответствия посредством языка. Символисты понимали, что в обычном понимании, слово – это знак, средство обмена информацией, одновременно и продукт, и инструмент социальной жизни. По мере того, как человеческая мысль становилась более точной и приспособлялась к потребностям политической и общественной жизни, язык становился все более простым, ясным. Обычный язык является системой упрощённых отношений, где каждый элемент точно выражает только один концепт или объект.

Однако символисты осознают, что обычный язык иногда не способен выразить то, что человек думает, и особенно то, что он чувствует. Уходя внутрь себя, человек пытается отыскать язык, который имел бы больше возможностей, который мог бы выражать богатое разнообразие состояний души. Слово должно было снова обрести вместе с полнотой смысла свою звучную и музыкальную ценность.

Сам процесс формирования направления символизма вырастает, в основном, из поля творчества романтизма как одно из его развивающихся векторов и продвигается по пути субъективистского позитивизма, переходя, в конце концов в субъективно-идеалистический метод. Символизм особенно важен в контексте творческого метода (подхода), при котором он выходит за рамки субъективно-идеалистических основ, плавно переходя в объективный религиозно-метафизический идеализм [6].

В себе символизм несёт основное темпоральное (временное) **противоречие** развития западно-европейского и российского общества этого периода, которое выражается в несовместимости его декадентски-импрессионистических, дифференциальных и субъективно-идеалистических истоков с совокупными (интегральными) объективно-идеалистическими тенденциями. Из данного противоречия вычленяется **проблема** исследования, которая формулируется следующим образом, а именно: выявление основных концептуальных положений эстетики французского символизма в пространстве искусства. Исходя из вышеизложенного, выявим основные направления в эстетике символизма и рассмотрим их в ракурсе сформулированной выше проблемы, то есть, по сути дела, перейдём далее к анализу разработанности проблемы. В данном разделе мы руководствовались следующими принципиальными положениями: в любом течении и направлении искусства огромное

значение играет личность того человека, который, посредством своей творческой деятельности, реализует основные постулаты данного направления, в нашем случае – символизма. Исходя из этого, рассматривая такую личность в искусстве, мы останавливаемся на изучении именно личности символиста. Однако, поскольку деятельность личности символиста в искусстве мало изучена, мы исследуем её в контексте творческого пространства. Также подлежат пусть и краткому, но обязательно изучению сами вещественные (материальные) результаты творческой деятельности личности символиста в искусстве, которые выражаются во множестве форм, в зависимости от жанра или совокупностей их, в пространстве которых работает данная личность: литературный текст (проза, поэзия, драма, пьеса, эссе и т.д.); произведения художников (эскизы, этюды, картины в разных жанрах живописного искусства); произведения музыкантов (пьесы, «музыкальные зарисовки», «музыкальные интерпретации художественных произведений», оратории, оперы (камерные и «большие») и т.д.). Одним из системообразующих компонентов исследования является ментальность и менталитет в эстетике искусства.

Отражение выявленной проблемы в ретроспективном аспекте возможно через выделение нескольких основных направлений и определение их составных компонентов.

Прежде всего, мы обращаем внимание на то, что только личность творит в искусстве, культуре, науке и т.д. Поэтому, рассмотрение личности в искусстве мы даем посредством нескольких композиционных рассмотрений, а именно:

Философское основание анализа личности в контексте культурной традиции представлены в работах Н. Бердяева, С. Булгакова, В. Зеньковского, В. Соловьёва, П. Флоренского и др. На наш взгляд, именно эти мыслители указывали на тот факт, что личность сама по себе не есть самостоятельная психофизиологическая единица, а – есть элемент того традиционного сообщества, которое развиваясь само, обуславливает и развитие личности. Тем самым обеспечивается связь времён, людей и особенностей и специфики данного общества. Поэтому, философское основание анализа личности и лежит в плоскости культурной традиции [5].

Такие мыслители, как А. Азов, М. Мамардашвили, Н. Маньковская, Б. Марков, Э. Орлова, Э. Спирина, С. Хоружий и др., в основном, поддерживая традиционный подход к основам философского анализа личности, привнесли в него и черты современного научного знания, которое, опираясь на достижения науки, даёт разные подходы к осу-

ществлению такого анализа, а именно: системный, компаративный, структурный, матричный, модельный, проектировочный и другие [7; 8].

Г. Гегель, Ф. Ницше, А. Шопенгауэр и др. оценивали личность с точки зрения диалектики развития её становления, расцвета и угасания, но в крайне специфическом разрезе, а именно – с позиций субъективно-идеалистического подхода [9].

Особенно значима для нашей статьи личность символиста в искусстве.

Этому интереснейшему вопросу посвятили свои работы К. Абульханова-Славская, А. Азов, В. Жидков, Т. Злотникова, Л. Ионин, И. Кон, А. Лазурский, Г. Маркузе, А. Моль, К. Соколов, Н. Хренов, Э. Эриксон и т.д.

Изучение символиста как особенной творческой личности отражено в трудах вышеперечисленных специалистов по социальной психологии. Их вывод прост и сложен одновременно: эти учёные рассматривают творчество не только в его самости, но, и, прежде всего, в проявлении его в отдельных личностях, выявляют особенности и специфику их и дают описательную характеристику, подкреплённую эмпирическими исследованиями. Также, они выявляют характеристики представителей символизма как одного из значимых течений в культуре и искусстве с позиций творчества личности, работающей в различных сферах творчества [10; 11].

Исходя из вышеизложенного, понятно, что исследование личности в творческом пространстве – есть отражение личности в пространстве творческой деятельности, которое мы обнаруживаем в исследованиях М. Бахтина, В. Библера, М. Ваняшовой, Н. Ворониной, Г. Гачева, И. Едопшной, Е. Ермолина, Т. Злотниковой, И. Кондакова, Л. Киященко, В. Самохваловой и многих других. Выводом из анализа трудов данных учёных может стать умозаключение о том, что только в деятельности, особенно, в творческой деятельности и проявляется личностные особенности индивидуума, что и обуславливает само «отражение» такой личности в пространстве творческой деятельности [12; 13].

Особый интерес, конечно, вызывает процесс применения к символисту концепта «текст личности», что и рассмотрено в работах М. Бахтина, Ю. Тынянова, Б. Эйхенбаума, А. Эткинды и др. Данные учёные вводят и пользуются понятием «текст личности», синонимизируя его с понятием «профиль личности», «текстовый портрет личности», особенно, портрет символиста в контексте «текстовой личности» [14].

Их последователи, используя основу вышеприведенного анализа, разрабатывают его с позиций

аналитических операций по рассмотрению «отражения» личности символистов в контексте «текста личности», выявляя уже их особенности [15].

И вот мы, наконец-то, приходим к системообразующей парадигме символа в искусстве и культуре, которая и разрабатывалась в исследованиях Г.В. Гегеля, Ф.В. Шеллинга, позднее у Э. Кассирера, З. Фрейда, К. Юнга, А. Уайтхеда и др. Сложно дать обобщение этим историческим личностям, но, в целом, все они считали, что «символ» имеет множественные значения и, естественно, интерпретации. В данном случае символ рассматривается приведенными выше учёными в контексте не просто парадигмы, а парадигмы систематизирующей, то есть, объединяющей вокруг себя, по принципу системности, множественные сущности, структуры и содержания различных направлений, в единое целое, в некую общность с определёнными свойствами и аспектами [16, с. 87-100; 17, с. 150-174].

Далее мы переходим от творчества символистов к тексту в эстетике искусства, по сути дела к их творческому инструменту. Исследование феномена текста в контексте семиотического дискурса, в целом, и в аспектах системного коммуникативного кода, в частности, дано в трудах Р. Барта, К. Леви-Стросса, Ю. Лотмана, З. Минца, Г. Моймира, И. Паперно, Ч. Пирса, Г. Почепцова, Ф. де Соссюра, У. Эко и др. В работах данных учёных, писателей, новеллистов, рассматривается сам феномен «текста» в контексте дискурса, более того – семиотического. Такой подход даёт основы для применения при анализе, так называемого «коммуникативного кода» в пространстве системного воплощения [8; 19; 20].

А вот исследованием категории текста, в целом, в контексте концепции эстетики занимались многие учёные и практики, подходя к нему и осмысливая его в разных транскрипциях, а именно:

- текст в системе семиотики, то есть в том разделе научного знания, который занимается изучением самих знаков и знаковых систем, отражён в работах С.К. Огдена, И.А. Ричардса, Э. Гуссерля, Ю.М. Лотмана, Ч.С. Пирса, А. Соломоника, Ф. де Соссюра, Ю.С. Степанова, Г. Фреге и др. Рассмотрение текста в плоскости системы семиотики предоставляет возможность по-новому посмотреть на само понятие «текст» в эстетических теориях и концептуальных построениях [21; 22].
- текст в структуре и содержании философии культуры в его эстетических характеристиках представлен в трудах П. Бурдьё, М. Мосс и др. Эти учёные рассматривают «текст» в совокупности сущности, структуре и, главное, содер-

жании культурных процессов с философской точки зрения [23; 24].

- текст как артефакт и «генератор смыслов» в невербальной системе коммуникаций представлен изысканиями М. Бахтина, Г. Крейдлина, Ю. Лотмана, Г. Моймира и др. Данные учёные рассматривают наиболее сложные взаимозависимости между самим текстом с точки зрения на него как на артефакт и, что особенно важно для нашего исследования, как на «генератор смыслов» в системе коммуникаций, но не обычных, а – невербальных, то есть тех, где не задействована речь и звуковые комбинации [20; 25].

Исходя из самой темы, мы не можем обойтись без исследования творчества поэтов, художников и драматургов-символистов таких, как: Ш. Бодлер, П. Валери, П. Верлен, Э. Верхарн, С. Малларме, Ж. Мореас, Ж. де Нерваль, А. Рембо, А. де Реньё, М. Метерлинк и др. [26; 27, с. 99-105; 28, с. 99-105; 29, с. 382-384].

***

Мы плыли по морям отчаянья и гнева
Вдали от Вечного Цветения Земли,
И волосы твои, от прошлого вдали,
Шумели всходами единственного сева.

С тоской смотрели мы, как ширился и рос
За убегающей кормой разрыв зловещий,
И, плача, думали, что брошенные вещи
Пропахли памятью изгнаннических роз.

Но полудетский рай, разграбленный капризом,
Зарю первую вставал в тумане сизом
Из несчастливых чар и злобной тьмы ночной.
Таинственная нить наперекор надежде
Мне преградила путь, и для Тебя одной
Цветочною резьбой фонтан играл, как прежде.
(Анри де Реньё)

*И отдашь голодному душу твою и питаешь
душу страдальца, тогда свет твой взойдет во
тьме и мрак твой будет как полдень.*

Исаия, LVIII

Не презирай людей! Безжалостной и гневной
Насмешкой не клейми их горестей и нужд,
Сознав могущество заботы повседневной,
Их страха и надежд не оставайся чужд.
Как друг, не как судья неумолимо-строгий,
Войди в толпу людей и оглянись вокруг,
Пойми ты говор их, и смутный гул тревоги,
И стон подавленный невыразимых мук.
Сочувствую горячо их радостям и бедам,
Узнай и полюби простой и тёмный люд,

Внимай без гордости их будничным беседам
 И, как святыню, чти их незаметный труд.
 Сквозь мутную волну житейского потока
 Жемчужины на дне ты различишь тогда;
 В постыдной оргии продажного порока –
 Следы раскаянья и жгучего стыда,
 Улыбку матери над тихой колыбелью,
 Молитву грешника и поцелуй любви,
 И вдохновенного возвышенною целью
 Борца за истину во мраке и крови.
 Поймешь ты красоту и смысл существованья
 Не в упоительной и радостной мечте,
 Не в блеске и цветах, но в терниях страданья,
 В работе, в бедности, в суровой простоте.
 И, жаждущую грудь роскошно утоляя,
 Неисчерпаема, как нектар золотой,
 Твой подвиг тягостный сторицей награждая,
 Из жизни сумрачной поэзия святая
 Польётся светлою, могучею струей.

(Мережковский Д.С. «Поэту»)

Как мы видим, произведения символистов в поэтической сфере творческой деятельности личности прекрасны и отвечают всем канонам красоты в плоскости эстетического философского основания.

Далее мы останавливаемся на самих художественных произведениях символизма посредством рассмотрения и анализа эстетических оснований творчества художников – символистов: М. Дени, Г. Моро, О. Редона, Ф. Ходлера, П. де Шаванна, Э. Вюйара, Э. Сонрель и др. [30; 31].

Но, кроме художников, огромный вклад в символизм внести и музыканты, которые отражали свои новаторские идеи символизма в своем музыкальном творчестве, а искусствоведы и философы культуры отдали им заслуженную дань в своих трактатах. Это такие учёные как: А.И. Бандура, Р. Бартлет, Д. Борхмайер, Л.Л. Гервер, Ю. Курзель, Т.Н. Левая, Ю. Мурашов, Л. Силард, С. Фридрих (Friedrich, S.), А. Ханзен-Лёве, П. Хоффман и др. [32; 33].

Целует клавиши прелестная рука,
 И в сером сумраке, немного розоватом,
 Они блестят; напев на крыльях мотылька
 (О, песня милая, любимая когда-то!)
 Плывет застенчиво, испуганно слегка, -
 И всё полно её пьянящим ароматом,
 И вот я чувствую, как будто колыбель
 Баюкает мой дух усталый и скорбящий.
 Что хочешь от меня ты, песни нежный хмель?
 И ты, её припев, неясный и манящий,
 Ты, замирающий, как дальняя свирель,
 В окне, растворенном на сад вечерний, спящий!

(Верлен П.)

В данном случае мы приводим поэтическую интерпретацию музыкального символизма, которая, однако, полностью отвечает своей цели и задачам – представление музыки как символа мира, как в душе человека, так и в окружающем его пространстве Вселенной.

Однако теперь мы подошли к наиболее сложному подходу к составлению концепции в эстетике, а именно, к рассмотрению мировоззренческих основ личностей, творящих в символизме, то есть к ментальности.

Ментальность и менталитет в этике и в искусстве, раскрытый средствами общих подходов к исследованию этой дефиниции, мы находим в работах А. Ахиезера, Н. Бердяева, П. Гуревича, А. Еромасовой, В. Кантора, Н. Лосского, Г. Стельмашука, С. Франка и др. Эти учёные рассматривают основные характеристики и специфику такого понятия как «ментальность», применяя к её исследованию наиболее общие методологические подходы, такие как: диалектика, динамика, описание, умозаключение в форме предикативной и диалектической логики [34] и т.д.

Ментальность в историческом аспекте представлена в трудах М. Блока, Ф. Броделя, Н. Данилевского, Л. Леви-Брюля, Н. Лосского, Л. Пушкарева, Л. Февра и др. Ретроспекция как реализатор исторического подхода к исследованию феномена ментальности в творчестве символистов – есть, по мнению вышеуказанных представителей научного мира, наиболее адекватный подход, дающий возможность оперирования фактическим материалом исторического полотна [35, с. 164-165].

Ментальность как феномен конгломерата культурной антропологии, эстетики и социологии культуры рассматриваем в исследованиях П. Бергера, П. Бурдьё, А. Бутенко, Б. Ерасова, В. Жидкова, Р. Зобова, Ю. Колесниченко, Т. Лукмана, Б. Маркова, З. Сикевич, К. Соколова и т.д. Эти учёные рассматривают ментальность в сложнейших комбинаторных интерпретациях, а именно, феномена культурной антропологии, социологии культуры и, что очень важно для настоящей статьи, с точки зрения – эстетики как основы философского основания культурных процессов и явлений [36, с. 92-102]. Использование данного подхода позволит более глубоко оценить творчество французских символистов.

Итак, рассмотрев и проанализировав основные направления разработки выявленной и сформулированной автором исследования проблемы, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день отсутствуют полно-комплексные философско-эстетические разработки проблемы выявле-

ния и характеристики основных положений концепции эстетики французского символизма в пространстве культуры. Поэтому, исходя из неразработанности именно этого аспекта проблемы, автором данной статьи и проводится исследование на тему: «Концепция искусства в эстетике французского символизма».

В качестве итога мы можем суммировать, что предложен комплексный подход к исследованию концепции искусства в эстетике французского символизма, значимость этого заключается и в том, что в статье предпринята попытка выявить глубинные единые философско-эстетические основы творчества и мышления французских симво-

листов, причем, одновременно у представителей разных видов искусств.

Итак, в заключении мы считаем необходимым отметить факт того, что в данной статье представляется логика выявления проблемы концептуализации французского символизма в культуре и эстетике методом ретроспекции. Именно такой подход и позволяет, на наш взгляд, выявить основные неразработанные аспекты проблемы в культурно-философском пространстве и представить обоснованную методологическую базу её изучения. Также, в рамках задач данной статьи, мы определили проект новизны исследовательской работы.

Список литературы:

1. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.В. Дмитриева. М.: Астрель: АСТ, 2003. 1582 с.
2. Арутюнова Н.Д. Образ, метафора, символ в контексте жизни и культуры // *Res philologica*. Филологические исследования. М.; Л.: Наука, 1990. 468 с.
3. Лошаков Р.А. Феномен и символ // *Вестник Русской Христианской Гуманитарной Академии*. 2005. № 6. С. 73–84.
4. Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых учёных. В 3 ч. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2008. Вып. II, ч. II. С. 292–295.
5. Бердяев Н.А. Кризис искусства. М.: Интерпринт, 1990. 47 с.
6. Обломиевский Д.Д. Французский символизм. М., 1973. 300 с.
7. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание: Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М.: Шк. «Языки русской культуры», 1997. 217 с.
8. Спирина Э.М. Символ как понятие философской антропологии: Дис. ... докт. филос. наук. М., 2011. 378 с.
9. Гегель Г. Работы разных лет: в 2 т. М.: Мысль, 1972–1973. Т. 1. – 668 с.; Т. 2. – 630 с.
10. Лазурский А.Ф. Классификация личностей. Пг.: Гос. изд-во, 1921. 401 с.
11. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994. 256 с.
12. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
13. Библиер В.С. На гранях логики культуры: книга избранных очерков. М.: Русское феноменологическое общество, 1997. 440 с.
14. Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 335 с.
15. Лавров А.В. Русские символисты: этюды и разыскания. М.: Прогресс-Плеяда, 2007. 632 с.
16. Соболева М.Е. Система и метод в философии символических форм Э. Кассирера // *Вопросы философии*. 2000. № 2. С. 87–100.
17. Фохт Б.А. Понятие символической формы и проблема значения в философии языка Э. Кассирера // *Вопросы философии*. 1998. № 9. С. 150–174.
18. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994. 616 с.
19. Моймир Г. Знакотворчество: Семиотика русского авангарда. СПб.: Академический проект, ДНК, 2007. 519 с.
20. Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПБ, 1998. 704 с.
21. Лотман Ю.М. Люди и знаки // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2010. С. 6.
22. Соломоник А. Философия знаковых систем и язык. Изд. 2-е, испр. и доп. Мн.: МЕТ, 2002. 408 с.
23. Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2001. 562 с.
24. Мосс М. Общества. Обмен. Личность: труды по социальной антропологии. М.: Изд. фирма «Восточная литература», 1996. 359 с.
25. Крейдлин Г. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 584 с.
26. Анри де Ренье. Собр. соч. Т. 1–19. Л.: Academia, 1923–1926.
27. Валери П. [Стихи] // Лифшиц Б. От романтиков до сюрреалистов. Антология французской поэзии. Л.: Время, 1934. С. 99–105.
28. Гумилев Н.С. О Верхарне [Газета «Речь» от 24 ноября 1908 г. [Стихи]] // Лифшиц Б. От романтиков до сюрреалистов. Антология французской поэзии. Л.: Время, 1934. С. 99–105.
29. Поэзия Франции. Век XIX. М.: Художественная литература, 1985. С. 382–384.
30. Батай Ж. Блейк // Батай Ж. Литература и Зло: сб. эссе. М.: МГУ, 1994.
31. Бердслей О. Рисунки. Проза. Стихи. Афоризмы. Письма. Воспоминания и статьи о Бердслее / Вступ. ст., проект альбома, сост., подготовка текстов и примеч. А. Басманова. М.: Игра-техника, 1992. 288 с.
32. Бандура А.И. Александр Скрябин. Челябинск, 2004. 384 с.
33. Левая Т.Н. Космос Скрябина // *Русская музыка и XX век*. / Ред.-сост. М.А. Арановский. М., 1997.

34. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 395 с.
35. Пушкарев Л.Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995. № 3. С. 164–165.
36. Бутенко А.П., Колесниченко Ю.В. Менталитет россиян и евразийство // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 92–102.
37. Хренов Н.А. Символизм на фоне надлома империи // Культура и искусство. 2012. № 3. С. 83–91.
38. Хренов Н.А. Синтез Запада и Востока как культурологическая проблема // Культура и искусство. 2012. № 1. С. 18–27.

References (transliteration):

1. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka / Pod red. D.V. Dmitrieva. M.: Astrel': AST, 2003. 1582 s.
2. Arutyunova N.D. Obraz, metafora, simvol v kontekste zhizni i kul'tury // Res philologica. Filologicheskie issledovaniya. M.; L.: Nauka, 1990. 468 s.
3. Loshakov R.A. Fenomen i simvol // Vestnik Russkoi Khristianskoi Gumanitaroi Akademii. 2005. № 6. S. 73–84.
4. Filologicheskie etyudy: sb. nauch. st. molodykh uchenykh. V 3 ch. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2008. Vyp. II, ch. II. S. 292–295.
5. Berdyaev N.A. Krizis iskusstva. M.: Interprint, 1990. 47 s.
6. Oblomievskii D.D. Frantsuzskii simvolizm. M., 1973. 300 s.
7. Mamardashvili M.K., Pyatigorskii A.M. Simvol i soznanie: Metafizicheskie rassuzhdeniya o soznanii, simvolike i yazyke. M.: Shk. «Yazyki russkoi kul'tury», 1997. 217 s.
8. Spirova E.M. Simvol kak ponyatie filosofskoi antropologii: Dis. ... dokt. filos. nauk. M., 2011. 378 s.
9. Gegel' G. Raboty raznykh let: v 2 t. M.: Mysl', 1972–1973. T. 1. – 668 s.; T. 2. – 630 s.
10. Lazurskii A.F. Klassifikatsiya lichnostei. Pg.: Gos. izd-vo, 1921. 401 s.
11. Markuze G. Odnomernyi chelovek. M.: REFL-book, 1994. 256 s.
12. Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva. M.: Iskusstvo, 1979. 424 s.
13. Bibler B.C. Na granyakh logiki kul'tury: kniga izbrannykh ocherkov. M.: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, 1997. 440 s.
14. Bakhtin M.M. Avtor i geroi. K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk. SPb.: Azbuka, 2000. 335 s.
15. Lavrov A.V. Russkie simvolisty: etyudy i razyskaniya. M.: Progress-Pleyada, 2007. 632 s.
16. Soboleva M.E. Sistema i metod v filosofii simvolicheskikh form E. Kassirera // Voprosy filosofii. 2000. № 2. S. 87–100.
17. Fokht B.A. Ponyatie simvolicheskoi formy i problema znacheniya v filosofii yazyka E. Kassirera // Voprosy filosofii. 1998. № 9. S. 150–174.
18. Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika. M.: Izd. gruppy «Progress», «Univers», 1994. 616 s.
19. Moimir G. Znakotvorchestvo: Semiotika russkogo avangarda. SPb.: Akademicheskii proekt, DNK, 2007. 519 s.
20. Lotman Yu.M. Ob iskusstve. SPb.: Iskusstvo-SPB, 1998. 704 s.
21. Lotman Yu.M. Lyudi i znaki // Lotman Yu.M. Semiosfera. SPb.: Iskusstvo-SPB, 2010. S. 6.
22. Solomonik A. Filosofiya znakovykh sistem i yazyk. Izd. 2-e, ispr. i dop. Mn.: MET, 2002. 408 s.
23. Burd'e P. Prakticheskii smysl. SPb.: Aleteiya; M.: Institut eksperimental'noi sotsiologii, 2001. 562 s.
24. Moss M. Obshchestva. Obmen. Lichnost': trudy po sotsial'noi antropologii. M.: Izd. firma «Vostochnaya literatura», 1996. 359 s.
25. Kreidlin G. Neverbal'naya semiotika: Yazyk tela i estestvennyi yazyk. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. 584 s.
26. Anri de Ren'e. Sobranie sochinenii. T. 1–19. L.: Academia, 1923–1926.
27. Valeri P. [Stikhi] // Lifshits B. Ot romantikov do syurrealistov. Antologiya frantsuzskoi poezii. L.: Vremya, 1934. S. 99–105.
28. Gumilev N.S. O Verkharne (Gazeta «Rech'» ot 24 noyabrya 1908 g. [Stikhi]) // Lifshits B. Ot romantikov do syurrealistov. Antologiya frantsuzskoi poezii. L.: Vremya, 1934. S. 99–105.
29. Poeziya Frantsii. Vek XIX. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1985. S. 382–384.
30. Batai Zh. Bleik // Batai Zh. Literatura i Zlo: sb. esse. M.: MGU, 1994.
31. Berdslei O. Risunki. Proza. Stikhi. Aforizmy. Pis'ma. Vospominaniya i stat'i o Berdslee / Vstup. st., proekt al'boma, sost., podgotovka tekstov i primech. A. Basmanova. M.: Igra-tekhnika, 1992. 288 s.
32. Bandura A.I. Aleksandr Skryabin. Chelyabinsk, 2004. 384 s.
33. Levaya T.N. Kosmos Skryabina // Russkaya muzyka i XX vek / Red.-sost. M.A. Aranovskii. M., 1997.
34. Gurevich A.Ya. Srednevekovyi mir: kul'tura bezmolvstvuyushchego bol'shinstva. M.: Iskusstvo, 1990. 395 s.
35. Pushkarev L.N. Chto takoe mentalitet? Istoriograficheskie zametki // Otechestvennaya istoriya. 1995. № 3. S. 164–165.
36. Butenko A.P., Kolesnichenko Yu.V. Mentalitet rossiyan i evraziistvo // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1996. № 5. S. 92–102.
37. Khrenov N.A. Simvolizm na fone nadloma imperii // Kul'tura i iskusstvo. 2012. № 3. S. 83–91.
38. Khrenov N.A. Sintez Zapada i Vostoka kak kul'turologicheskaya problema // Kul'tura i iskusstvo. 2012. № 1. S. 18–27.